

Дорога на окраине Пропащего леса

Четыре разведчика бесшумно шли по еле видной звериной тропе среди заснеженного леса. Местами кое-как протоптанная, а местами и вообще почти незаметная, тем не менее тропа была. И двигаться по ней было всё же удобнее, чем по бурелому. Поэтому, разведчики, беспрестанно сверяясь с компасом, аккуратно двигались вперёд. Вдруг Лара согнула левую руку в локте, прижимая «Винторез» к плечу правой, и села. Остальные также синхронно, плавно и быстро опустились в сугробы, на автомате распределяя сектора контроля. Несколько некрупных существ, также подчинявшихся Супругу Лары, подали сигналы — впереди кто-то был.

Через несколько минут их глазами Лара увидела людей. Их было около четырёх десятков, и это была организованная вооружённая группа. Лучники на деревьях, копейщики с длинными пиками за пнями и стволами деревьев, двое с топорами около подпиленных деревьев. В сугробе лежат два арбалетчика с тяжёлыми огромными машинами. Поднять их они явно не могли — болты арбалетов размером с небольшие брёвна были установлены в сторону дороги почти параллельно ей, а цевья были закреплены на небольших сошках.

Очевидно, эта группа готовила для кого-то зasadу. Лара распределила цели между членами группы. Эд с пулемётом залёг на небольшом холме. Ему была отлична видна вся картина боя, и он должен был прийти на помощь любому, кому эта помощь понадобится. Том и Якоб распределили цели среди тех, кто должен был, судя по вооружению, рубиться в ближнем бою, а сама Лара прицелилась в «операторов» арбалетов. К лучникам на безопасное расстояние подобрались монстры разведчики с ядовитыми жалами. И всё это время членов группы не покидало ощущение какой-то нереальности происходящего. Какие мечи, арбалеты, луки? Что это всё значит? Где-то на грани восприятия Лара скореечувствовала, чем услышала храп тяжелогружёных выночных животных и человеческую речь.

Въезд в Пропащий лес

Беалу ал Берту не повезло — он родился карликом. Если бы его отец был простолюдином — Беала просто удавили бы в младенчестве, но ему не повезло дважды — его отец был повелителем окрестных земель, властителем Хладного утёса. И, хотя, Беал ал Берт и родился уродцем, но отец пощадил его и не стал убивать, а даже дал своё имя. Зато Беркорд ал Берт скёг на костре мать Беала — карлики ведь не рождаются просто так. Значит, его молодая жена была грешна, и кто как не муж и господин должен решать её судьбу.

Конечно, семья матери Беала была против такого наказания за неподобающий исход родов, но Закон есть Закон. Если в семье рождается уродец — значит, в женщине что-то не так. И если другой муж мог бы простить такое, то Беркорд с удовольствием нашёл повод, чтобы избавиться от навязанного ему победившими в гражданской войне южанами брака. Вообще, брак с южанкой был позором для северного властителя. Над ним насмехались все вокруг, и Беал мог понять поступок отца.

Беркорд женился снова, когда Беалу было пять лет от роду — в этот раз на северянке, старшей дочери властителя ал Звикерда, совсем юной шестнадцатилетней пигалице. Та родила ему последовательно дочь, сына и снова дочь. По праву Беалу после смерти Беркорда должен был достаться и замок, и титул властителя, но Беркорд не хотел этого. Он

неоднократно говорил, что его владения унаследует второй сын — Глиан ал Берт. И мачеха Беала, Квинлиа ал Звикерд, конечно, была за такое развитие событий.

Сводные брат и сёстры относились к Беалу по-разному. Глиан откровенно недолюбливал старшего брата, чувствовал в нём конкурента, всячески поддавал и издевался. Старшая сестра, Звинора, практически не отставала от Гиала в понуждении и нападениях на Беала. Лишь младшая, Листейна — испытывала к Беалу какую-то помесь жалости и брезгливости. Она даже несколько раз пыталась защитить карлика от издевательств брата и сестры, но по большей части безуспешно.

Во избежании семейных дрязг, да и просто чтобы убрать уродца со своих глаз, Беркорд отправил старшего сына учиться в Академию Магов. Туда брали всех, только вот доживали до конца обучения немногие. Впрочем, Беал уже проучился десять лет и даже успел овладеть искусством просмотра и записи магических камней. Впрочем, на этом его навыки пока ограничивались — всё же в Академии надо было учиться лет пятьдесят в лучшем случае.

Каждое лето Беал на месяц приезжал домой. Так было и в этот раз, но его приезд был сейчас каким-то странным. Во-первых, его старая няничка, единственная, кто любил его во всём замке, была при смерти. И перед тем как испустить дух, она шепнула ему на ухо, что, мол, отец узнал о каком-то проступке второго сына (к слову — командира одного из отрядов Гвардии Императора). Причём, таком тяжёлом проступке, что грозился, мол, передать права на наследство Беалу. А через несколько дней после этой угрозы, мол, Беркорд ал Берт тяжело заболел и вот до сих пор не выходит из своей комнаты.

Во-вторых, старшая из сестёр, которая была младше Беала на шесть лет, почему-то вдруг была с ним подчёркнуто любезна всё это время. Гиал, погодка Звиноры, был на службе, где-то близ дворца Императора, а только что вступившая в совершеннолетие Листейна как будто пряталась от Беала, избегала разговоров и постоянно смущённо уходила. Лишь Квинлиа была обычной — злобной стервозной сукой, при каждом удобном случае пытавшейся показать Беалу его место. Отца же Беал за это время увидел лишь однажды — в откровенно паршивом состоянии тот лежал на своей парящей кровати.

Так было и сейчас. Когда тридцатилетний Беал собрался возвращаться в Академию, то вместо эскорта из стражей Хладного утёса (которых как огня боялся весь окрестный сброд) Квинлиа, пользуясь болезнью мужа, выделила пасынку десяток наёмников — обычных головорезов, убивающих за деньги на официальной основе. Одеты и вооружены они были как попало, и лишь их главарь, огромный детина с двуручным мечом, производил хоть какое-то впечатление воина. Едут кое-как, кольчуги — во выюках, шлемы не надеты, щиты приторочены к сёдлам. Лишь главарь полностью одет, а остальные — едут, балагурят.

Это место никогда не было опасным. Край Пропаща леса мог напугать лишь стаей волков, это дальше заходить было нельзя. Но, всё же — такая беспечность! Это неспроста. Так не должно быть. Стражи Хладного утёса никогда бы себе не позволили такую расхлябанность. С каждым шагом запряжённых в его парящую повозку быков, с каждым услышанным словом его так называемых охранников ощущение тревоги в мозгу Беала нарастало.

Карлик торопливо закрыл занавески в повозке и распахнул дорожную сумку. Порывшись в ней, он достал искусно сделанный короткий арбалет. Техника была вне закона, и поэтому перед входом в Академию он прятал его, как и все ученики своё незаконное добро, в ломбарде. Там не вдавались в подробности, а просто брали замотанный кулёк и убирали в ячейку. В Академии Беалу ничего не угрожало, а вот за её стенами обидеть карлика был готов

любой. И арбалет уже не раз выручал его из сложных ситуаций. Уповал на него Беал и теперь. Дорога на окраине Пропащего леса

Треск падающих деревьев, вой верховых быков, крики и свист оперённых стрел — всё это слилось в один длинный протяжный звук, который совпал с наложением болта на тетиву арбалета. Сердце Беала заколотилось как сумасшедшее, он слегка отодвинул занавеску. На дороге закипал бой. Трое из его стражников уже лежали на снегу с торчащими оперениями стрел из груди. Оставшиеся без шлемов и кое-как вооружённые пытались сгрудиться вокруг повозки, прикрываясь верховыми быками и отбивали атаки наседавших разбойников.

Последних было в несколько раз больше, и атаковали они яростно, бешено. Лишь командир отряда его охраны, будучи одетым в тяжёлую броню, орудовал со спины быка своим огромным мечом, рассекая надвое всё, что неосторожно приблизилось.

Небольшое бревно вылетело из сугроба возле дороги и выбило верзилу из седла. Второе бревно насквозь пробило обоих быков, запряжённых в повозку. Всё. Приехали. Дальше хода нет. Стрелы и мечи вырубали оставшихся его защитников. Потеряв около десятка человек, разбойники добрались до повозки. С криком «А ну, где этот уродец?» один из них рванул на себя полог занавески и тут же отлетел назад с торчащим изо лба болтом. С диким рёвом остальные рванули к повозке, и Беал, накладывая новый болт на тетиву, поймал себя на мысли, что он уже не успеет. Вот, чья-то волосатая рука откидывает полог, вот она тянется к нему, и вдруг что-то влетает в голову хозяина этой руки, и тот летит куда-то в бок. Словно в замедленном воспроизведении магического камня, Беал видел, как один за другим разбойники падают на снег, сражённые откуда-то из леса какими-то мелкими предметами. Неужто маг-кинетик? Беал видел такое — три мага, метая мелкие камни с огромной скоростью, разогнали целую банду из пятидесяти человек. Но, он не чувствовал возмущения магического поля.

Меж тем, разбойники начали бежать. Беал видел лежащих под деревьями убитых лучников, из сугроба, откуда летели брёвна, торчала чья-то рука. Грамотно работают его спасители.

Пока разбойники возились в рукопашной схватке у его повозки, те выбили всех стрелков, и вот теперь из леса добивают остальных.

Внезапно Беал услышал женский вскрик. Рядом с повозкой кто-то упал. Беал выглянулся и увидел высокую женщину в кожаных доспехах, раненную в ногу. Она повернулась к убегающим разбойникам и закричала: «Вернитесь, трусы, я здесь!» Однако, трусы бежали так, что лишь пятки сверкали. Удалось ли кому-то из них убежать или нет, Беал не знал. Он приложил арбалет к плечу и прицелился в голову раненной. Внезапно рядом с ним прозвучал женский голос: «Не смей! Положи арбалет!»

Беал поднял голову и увидел двоих: мужчину и женщину. Оба были в белой как снег бесформенной одежде. В руках они держали странного вида оружие — типа арбалетов, но без рогов лука. Он никогда такого оружия не видел, но судя по тому, что женщина, явно

командир, направила эту штуку на Беала, а мужчина держал на прицеле разбойницу, оружие это было самое настоящее. Оглянувшись, Беал увидел ещё двоих с такими же устройствами. Они сидели на одном колене каждый, нацелившись в оба конца дороги. Всего четверо?

Разогнали такую банду? Удивительно, кто эти люди? Беал от греха подальше разжал руки, и его арбалет упало на окровавленный снег.

Это не гвардия Императора — на них нет доспехов и плюмажей на шлемах. Инквизиция? Её никто никогда не видел так, чтобы потом рассказать об этом. Кто их знает, как они выглядят.

Если Инквизиция — ему светит костёр за один только арбалет, скрывать который уже бесполезно. Но, если это Инквизиция — почему они говорят с таким акцентом?

— Послушайте, вы... — заговорила разбойница — Лежать! Не дёргаться. Шевельнёшься — прихлопну! — Мужчина ногой прижал её к земле. Женщина достала из сумки на боку какую-то верёвку и перевязала ногу выше раны, крепко верёвку стянув. Кровь начала идти всё меньше. «Интересный способ» — подумал Беал. И ведь безо всякой магии остановила кровь. Меж тем женщина взглянула на какую-то штуку на руке, достала из кармана скреплённые вместе бумажки, оторвала одну, что-то на ней записала и засунула под стягивающую ногу верёвку.

— Еретики! — похолодело внутри у Беала. Он пошевелился, но упёрся взглядом в трубу, направленную ему в лицо. — Еретики. Они пишут что-то. Нарушают табу. Ему конец. Теперь точно конец. Когда до них доберётся инквизиция — она не станет разбираться, кто там пленный, а кто — помощник. На костёр пойдут все. Ладно бы луки, но тут письмо — это самый страшный грех, какой только можно себе представить. Впрочем... Может, удастся сбежать? Пока лучше притвориться испуганным.

Меж тем женщина в белом связала разбойницу и, подняв как пушинку, закинула в повозку к Беалу.за волосы мужская рука — это был Роберт. Он бесцеремонно повернул её и потянул на себя. Она была вынуждена встать также как Элизабет. Стив вошёл в неё сзади уверенно и размашисто, но больно ей почему-то почти не было. По крайней мере, не так как тогда, на скале. Более того, ощущение тепла внизу живота не покидало её. Более того, Кьюорне даже поймала себя на мысли, что ей это нравится. В отличие от судорожных и грубых движений её брата с друзьями, Стив был действительно аккуратен, двигался плавно и уверенно. Член Роберта во рту также не доставлял ей особых неудобств. В конце концов, она уже натренировалась на Стиве.

Через несколько минут короткий «ох» сзади возвестил о том, что Джон разрядился в Элизабет, а через несколько секунд горячая жидкость толчками наполнила и её нутро. Роберт вынул свой член у неё изо рта. Кьюорне подняла голову и сама, без слов, поняла, чего от неё хотят. Она повернулась к Роберту спиной, но он вдруг развернул её и положил на пол спиной. Удивлённая, Кьюорне посмотрела на Элизабет. Та также легла на спину и раздвинула ноги. Маркус пристроился между ними, и Элизабет выдохнула, впуская в себя мужчину. Кьюорне сделала также.

Когда Роберт вошёл в её лоно, девушка поняла, что она хочет этого. Она сама хотела этого. Она ждала мужчину в себе. Что с ней? Что с ней произошло? Ведь, это табу! Она ведь отгоняла все мысли об этом всю свою недолгую восемнадцатилетнюю жизнь. Ей было чуть-чуть больно, но огромный ком удовольствия нарастил. Ровные и увереные движения Роберта становились всё быстрее и жёстче. И сама Кьюорне уже всё больше распалялась. Она даже начала двигать бёдрами ему навстречу, и от понимания этого её охватил новый жгучий приступ стыда. Как она может это делать? Однако, волна удовольствия нарастила, и девушка почти не контролировала себя.

Однако, мужчина подвёл. Когда она уже слабо соображала, что происходит, когда горячая волна уже почти накрыла её с головой, она где-то остатками сознания почувствовала, что в неё врывается горячая влага. Она даже заплакала, когда Роберт вытащил из неё свой член. Однако, одинокой она была недолгой.

Чьи-то горячие пальцы прикоснулись к её сокровенному месту. Она подняла голову и

увидела Сару — одну из старших женщин Гнезда. Бойкий палец Сары проник внутрь Кыйорне и вдруг поднялся наверх, зацепившись за неё спереди. Кыйорне вдруг вздрогнула от новых ощущений, а палец внутри неё начал двигаться. По кругу, взад-вперёд, влево-вправо — как будто ища то положение, при котором Кыйорне будет больше выгибаться и стонать. Впрочем, девушка уже не стонала, она уже орала, вцепляясь рукой в шкуры. Её будто пробивало насквозь каким-то огнём. Она металась по шкуре, кричала, била руками по земле и, наконец, фонтан огненных брызг будто взорвался в её голове.

В себя она приходила медленно, восстанавливая реальность урывками. Что это было? Она никогда не испытывала ничего подобного. Почему это запрещено? Почему маги скрывают от них такое удовольствие? Что страшного в этом? В чём секрет? Вопросы эти начали всплывать в её голове по мере того, как меркли загоревшиеся в глазах звёзды.

Лес на Мёртвой горе

— Очень приятно, леди Лара. Меня зовут Беал ал Берт, и я старший сын властителя Хладного утёса, в чьих землях мы с Вами находимся. Но, не надейтесь, отец вряд ли даст за меня выкуп. Думаю, даже скорее он будет рад, что избавился от меня. — Зато, от тебя можно получить клад на заклятии! — Что? Ах вот что! Вот, почему Вы на меня напали? Леди Лара, эти бестолочи думали, что я держу на заклинании клад! Откуда вас, таких дураков, только берут? — Ты маг, и у тебя нет заклятого клада? Ты кого пытаешься обмануть, уродец? — разбойница задёргалась в верёвках. — Я не маг, дура! Я ученик! Откуда у меня заклятья? Откуда у меня клад? Это ж минимум надо лет тридцать учиться, чтобы на заклятии что-то хранить! — Ууууу, змеюка подколодная! Обманула, тварь! Зарежу! Язык лживый вырву! Как целку развела! Шлюха, дрянь! — разбойница завыла, начала было биться в путах, но выверенный удар берцем в спину заставил её лечь смирно и лишь подвывать. — Змеюка, говоришь? Уж не моя ли мачеха надоумила вас из меня клад вытаскивать? — Беала осенила внезапная догадка. — Нет, не мачеха. Сестра твоя, чтоб её на костре три дня жгли! — Сестра? Листайна? — голос Беала предательски дрогнул. — Нет, старшая, тварюка! Она меня обманула! Пообещала лёгкую охрану и несметные богатства, сволочь, гадина! — разбойница затряслась от обиды и ярости. — Ах, Звинора... — в голосе карлика послышалось облегчение, — вот ведь стерва. То-то я чувствую, что мне охрану дали никакую. А она, значит, всё продумала... Ну что ж... Леди Лара, стало быть, это Вам я обязан своим воистину чудесным спасением. Но, кто Вы? Откуда Вы? Ведь, Вы не из наших мест? И куда мы едем? Неужто, на Мёртвую гору, в лапы к Бешеному Медведю?

Пещера Мёртвой горы

Кыйорне вышла на плато, с трудом осознавая окружающую реальность. Таких ощущений в её жизни ещё не было, а теперь, как она понимала, они будут постоянно. И с этим надо было смириться, ведь всё что она знала о взаимоотношениях мужчин и женщин — оказалось ложью. Неужто её отец с матерью знали это и скрывали от неё? А маги? Неужто и они знают? Мать всегда говорила, что она с отцом спит лишь потому, что он этого хочет, а ей это всё не нравится. Как это может не нравиться? С другой стороны, там на скале ей тоже не понравилось...

Из леса показалась разведгруппа. Впереди шёл Эд. Он вёл в поводьях огромного верхового быка, впряженного в парящую повозку с эмблемой старшего сына властителя её земель — Беала ал Берта. Властителя-коротышки, как его звали в народе. Кыйорне уставилась на повозку. Бык остановился, повозка спустилась на землю. Дверь открылась, и из неё вышла

Лара. За Ларой вышел Беал. Кыйорне, увидев своего владельца, упала ниц, положив голову на кисти рук.

— О, я смотрю, вы поймали и одну из моих крестьянок? И как тебе живётся здесь, девушка? — Я недолго здесь, мой повелитель! Всего две недели!

Беал потянулся и осмотрелся. Бежать с Мёртвой горы — нечего и пытаться. Пока он здесь, в плена у еретиков, надо играть роль. А дальше — посмотрим. Он подошёл к упавшей ничком крестьянке и погладил её по волосам.

— Не бойся, твой властелин с тобой! Они не причинят тебе зла! — Они хорошо обращаются со мной, мой повелитель! — Тем лучше. — Беал вопросительно посмотрел на свою пленительницу. Та коротко кивнула головой в сторону пещеры.

Внутри было тепло. Беал с удовольствием сбросил полушубок и огляделся. Света внутри было вполне достаточно. Несколько человек, в основном женщины, трудились над костром, занимались уборкой. Воины сняли белую одежду, открыв под ней другую, зелёную с чёрными и коричневыми пятнами. «Удивительно, — подумал Беал, — снова без магии, а я не различу их в лесу с пяти метров». Они снимали оружие, раздевались. Что удивительно, они разделись догола, и это никого не встревожило. Лишь эта крестьянка немного напряглась, но даже она ничуть не удивилась.

Один из обнажённых воинов подошёл к ней и приставил ей ко рту свой член, небрежно бросив: «Давай, девочка, поработай губками». Беал отчётливо видел отвращение на лице крестьянки. Ещё бы, мужчина явно был несколько часов в походе, участвовал в бою. От него несло потным немытым телом. Впрочем, других женщин это не смущало, и двое других мужчин уже подошли к каким-то женщинам. Те безропотно разделись и сплелись телами с вернувшимися разведчиками. Казалось, Беал попал в какое-то царство абсолютного нарушения всех правил.

Меж тем, и пухлая крестьянка, пересилив себя, взяла член воина в рот и стала его сосать. Маги запрещали людям использовать для соития что-то кроме предназначенных для этого природой отверстий, и Беал слышал лишь разговоры о подобных противоестественных вещах. Однако, сейчас он видел это собственными глазами. Его собственная плоть начала возмущаться, пытаясь вырваться из штанов.

Единственный орган нормального, и даже большого, размера в его теле начал требовать к себе внимания. Магам запрещались любые половые сношения, ученикам — тоже. И в его жизни был лишь один опыт — с проституткой из Пограничного города. Это было перед самым поступлением в Академию, когда Беал в первый раз нарушил Закон. Арбалет появился уже потом. Сейчас же вокруг него была самая настоящая оргия, и никого это не напрягало.

— А ты чего скучаешь? — раздался вдруг над его ухом женский голос. Рядом с ним стояла миловидная девушка, блондинка. — Судя по твоим штанам, тебе тоже надо отдохнуть с дороги?

Девушка, не дожидаясь ответа, опустилась на колени и быстрыми движениями развязала шнурковку на его штанах. Затем она достала его член и даже охнула: «Ого, у такого маленького мужчины такой здоровый член! Мне это нравится!» Когда её губы обняли его средоточие мужества, Беал громко застонал. Ощущения были настолько новыми и неожиданными, что его аж прострелило насквозь. Он почувствовал, что она улыбнулась, а затем заскользила языком по обнажённой головке. Её язык играл с ним, то касался легко, то нажимал, то облизывал, то вдруг часто-часто щекотал. Долго он терпеть не смог и разрядился ей прямо в

рот.

Оторопев от происшедшего он, забыв про своё происхождение, вдруг начал извиняться за такой финал, но она поднялась, заглянула ему в глаза и вдруг проглотила всё, что было у неё во рту. А пока его глаза вылезали из орбит от изумления, девушка открыла рот и жадно облизала губы, пальцы и, снова наклонившись — его член. Когда она второй раз слизывала с пальцев его семя, он прошептал: «Тебе что, это нравится?»

— Нравится, — улыбнулась девушка, — Жалко только, что так быстро. Ну да ладно, приходи в себя, Слизень приготовил тебе сюрприз. — Слизень? — спросил он, но девушка уже ушла.

Двое мужчин подтащили к нему разбойницу. Она была раздетой и, судя по синякам и ссадинам, раздевалась она не сама. Руки её были связаны за спиной. Её положили на спину, и на её ноги сели мужчины. Следом подошла Лара. Она бесцеремонно села девушке на грудь и сказала Беалу:

— Она хотела тебя убить — у тебя есть шанс отомстить ей. Пользуйся своим шансом. — Не смейте отдавать меня этому коротышке! Ещё не хватало, чтобы меня оприходовал карлик! — Разбойница попыталась вырваться, но шансов не было.

Беал второй раз в жизни видел перед собой женское лоно на столь близком расстоянии. Женщина была ухоженной — волосы на лобке коротко пострижены, гладкие ноги, хоть и покрыты ссадинами. Правда, уродливый шрам на бедре. В жизни он был ей ниже пояса, но сейчас она лежала перед ним, не имея возможности сопротивляться. А его член снова стоял колом. В конце концов — почему нет? Ведь она действительно хотела его пытать, а потом убить. Разве есть какая-то причина у него, чтобы её беречь? Тем более, что тут это норма.

Почувствовав его руки на своих бёдрах, разбойница предприняла отчаянную попытку вырваться, но всё было тщетно. Беал приставил свой член к её срамным губам. Она вопила, отчаянно пытаясь не пустить его. В конце концов, поток проклятий от неё сменился воем от того, что здоровый член карлика буравил её промежность. Она выла от боли и отвращения, потом просто плакала от бессилия. Когда Беал, наконец, разрядился в её нутро, она лишь затряслась в рыданиях. Однако, её страдания не закончились. Беал встал, к нему подошла Лара и повела его куда-то вбок, в одно из ответвлений пещеры. Карлик уже не видел, как в неё засовывали паразита, и как она билась в истерике, а потом в болевых конвульсиях. И он уже не видел, как она сама пустила в себя одного за другим всех мужчин в пещере, только чтобы вновь не чувствовать этой боли.

Знакомство с Гхоном было для Беала практически уже не удивительным. Карлик уже смирился с тем, что у еретиков всё перевёрнуто вверх тормашками, и не люди владеют монстрами, а монстр владеет людьми. Разговор их был долгим. С короткими перерывами они проговорили целую неделю, обмениваясь информацией. Пожалуй, это было первое существо, которое общалось с Беалом на равных. Желая сначала просто понравиться лидеру этой группы еретиков, коротышка и сам не заметил, как проникся уважением что к группе, что к этому странному паукообразному монстру. И разбойница, и крестьянка уже давно были подчинены и обслуживали гнездо, а Беал всё не мог насытиться получаемой от монстра информацией. Впрочем, и Гхон не отставал от карлика в ненасытности.

Прошло два месяца. За это время пятеро женщин родили целую кучу монстров. Беал с интересом наблюдал за этим процессом. Мужчины и Лара охотились, к этому процессу стали привлекать и разбойницу, Гьизалину. Женщины готовили и обслуживали мужчин. Беал даже успел привыкнуть к этому быту. Он научился получать от него удовольствие. Уже

впоследствии он узнал, что та миловидная девушка заселила в него паразита, контролирующего его тело. Теперь он точно не мог сбежать. Впрочем, хотел ли он сейчас этого?

Здесь был секс. Сколько хочешь секса. С любой девушкой, женщиной. Все они безропотно подставляли ему любую часть тела. За эти два месяца он попробовал их всех, в разных позах, сидя, лёжа, стоя. Это было потрясающее, хотя и страшным грехом. А ещё он получал огромное удовольствие от возможности прикоснуться к технике. Да, это была ересь, страшная, опасная — но, как же она была притягательна!

Беал вышел на плато. Солнечный день, отсутствие облаков. Его родной Хладный утёс так хорошо просматривался отсюда. Где-то далеко внизу, совсем маленький, будто игрушечный замок. Что-то привлекло внимание Беала. Он пытался взглянуться, но расстояние было слишком большим чтобы что-то различить.

— Лара! Лара, в замке что-то не так! Надо спуститься на разведку, отсюда ничего не видно! Грациозная воительница подошла к карлику и приложила к глазам какой-то очередной прибор.

— Замок как замок. Ничего особенного. Флаги трепыхаются. Красный вот, белый. Вон, копейщик стоит. — А жёлтый с быком — есть? Флаг, жёлтый с быком, должен висеть над цитаделью. — Нет, нету, — также флегматично ответила девушка. — Лара, дай я посмотрю! Пожалуйста.

Девушка отдала ему бинокль. Беал приложил его к глазам, как она, и удивился — вновь, без помощи магии он видит замок как будто стоит с ним рядом. И вдруг он понял, что не так. Флага его отца, того самого, жёлтого с быком, не было над цитаделью. Зато, этот флаг трепыхался над бараканом. А рядом с ним полоскался по воздуху коричнево-жёлтый флаг — знамя Совета Магов. И это могло означать только одно.

— Лара, — глухим голосом ошарашенно проговорил Беал, — Мой отец, lastитель Хладного утёса, скончался. И вместе с ним скончался маг-хранитель Хладного утёса Аф-Кородди. У Хладного утёса больше нет lastителя, хранителя. Замок практически беззащитен.